

„Образование“ 1897 № 7-8

Журнальное обозрѣніе.

„По другому“ г. Боборыкина. — „Плоскогоріе“ Л. Гуревичъ. — „Мужики“ А. Чехова и г. Меньшиковъ. — „Коноваловъ“. М. Горькаго. — „На Князь-Озерѣ“ В. Михеева и проч.

Въ весеннихъ книжкахъ толстыхъ журналовъ пришло къ концу печатаніе нѣсколькихъ большихъ романовъ. Г. Боборыкинъ привелъ свою героиню Студенцову, эту искательницу новыхъ ощущеній и „новой красоты“, въ романѣ „По другому“ („Вѣстн. Евр.“), къ печальной альтернативѣ: кончать самоубійствомъ или идти въ содержанки. Она избираетъ послѣднее, разсуждая справедливо, что первое отъ нея не уйдетъ. О романѣ этомъ мы уже говорили въ прошлый разъ и теперь не будемъ къ нему возвращаться. Не будемъ говорить подробно и объ „отмѣнно длинномъ, длинномъ“ романѣ г-жи Гуревичъ, печатавшемся въ „Сѣв. Вѣстникѣ“: „Плоскогоріе“. Растянутый безъ конца и краю романъ этотъ едва ли вознаграждаетъ трудъ читателя. — Попадаются безусловно талантливыя страницы: укажемъ на яркую сцену, въ которой два главныхъ дѣйствующихъ лица, поглощенныхъ всецѣло личными своими отношеніями, не замѣчаютъ, какъ погибаетъ въ трущобѣ разврата родная сестра героя, пришедшая было просить помощи и кончающая самоубійствомъ, когда увѣрилась, что братъ, ея любовь и гордость, умный и образованный — чужой человекъ ей, простой и неученой дѣвушкѣ. Но эти страницы тонутъ въ массѣ разговоровъ, въ психологическомъ якобы анализѣ, въ какихъ-то „наджизненныхъ“ идеяхъ, которыя силится выразить авторъ и которыхъ все-таки никакъ нельзя уловить. Въ результатѣ романъ дѣйствительно уподобляется унылому пустынному плоскогорію съ очень ужъ немногочисленными тамъ и сямъ разбросанными оазисами.

Однако „событіемъ дня“ въ области беллетристики явился не большой какой-либо романъ, а довольно короткій разсказъ, не проповѣдующій, какихъ либо „наджизненныхъ идей“, а напротивъ настолько близкій къ жизни, насколько это возможно для беллетристическаго произведенія, полный правды, обыденной и потому рѣзко бросающейся въ глаза только тогда, когда она освѣщена художественнымъ творчествомъ. Мы говоримъ о разсказѣ г. Чехова „Мужики“ (Р. Мысль, апрѣль) остановившемъ на себѣ общее вниманіе. Давно ни одна литературная новинка не вызывала столько горячихъ статей и споровъ, и уже это одно обстоятельство указываетъ, что г. Чехову удалось создать произведеніе, дѣйствительно выдающееся.

Читатель, конечно, уже знакомъ съ этимъ разсказомъ въ подлинникѣ, такъ что подробно передавать его содержаніе здѣсь нѣтъ надобности. Впрочемъ, оно до крайности несложно, даже бѣдно. Въ родную деревню пріѣзжаетъ изъ Москвы лакей Николай Чикильдѣевъ, потерявшій на своей лакейской службѣ ноги, съ женою Ольгою и дочкою Сашей. Но вмѣсто отдыха въ родномъ углу, Николай находитъ въ немъ только непокрытую бѣдность, терпитъ нескончаемые попреки за дармоѣдство, долго томится въ озлобленной и забытой семьѣ отца своего, и наконецъ умираетъ за-лѣченный какимъ-то знахаремъ, а жена его съ дочерью возвращаются въ

Москву наниматься въ прислугу, побираясь по дорогѣ Христовымъ именемъ. Такова нить разсказа, на которую нанизанъ рядъ картинокъ, характеризующихъ различныя черты жизни въ деревенскомъ захолустьѣ. Эти картинки дышатъ такою жизнью, каждая изъ нихъ въ отдѣльности такъ вѣрна дѣйствительности, что и всегдашнее чеховское настроеніе, обычный и свойственный г. Чехову минорный тонъ невольно захватываетъ читателя. Болѣе или менѣе жизнерадостный юморъ, которымъ блещутъ многіе мелкіе разсказы г. Чехова, почти отсутствуетъ въ „Мужикахъ“, и впечатлѣніе получается тѣмъ болѣе сильное. Разсказъ этотъ, словомъ, является вполне достойнымъ таланта автора.

Однако довольно страннымъ представляется увлеченіе разсказомъ г. Чехова со стороны нѣкоторыхъ критиковъ, дошедшихъ до утвержденія, что съ „Мужиковъ“ должна бы начаться новая эра въ русской литературѣ. Буквально такъ пишетъ въ „Книжкахъ Недѣли“ (май) г. Меньшиковъ. По его словамъ, въ „Мужикахъ“ г. Чеховъ на 26 страничкахъ крупной печати какимъ то волшебствомъ выводитъ чуть-ли не всю сто-милліонную массу „мужиковъ“, жизнь цѣлаго океана земли русской въ подводныхъ глубинахъ его. По мнѣнію г. Меньшикова, если „Мужики“ не явятся событіемъ, дѣлающимъ эру въ беллетристикѣ, какъ когда-то „Антонъ Горемыка“ (несравненно слабѣйшій) или „Записки Охотника“ (не болѣе сильныя), то причина этого будетъ заключаться не въ произведеніи, а въ обществѣ. Само же произведеніе дастъ „не только полное знаніе въ затронутой области, но и знаніе *важное* по существу“ (курсивъ г. Меньшикова). И подобный взглядъ, сравненіе разсказа Чехова съ вещами Тургенева и Толстого, дѣйствительно создававшими эру въ беллетристикѣ, не представили собою чего-либо единичнаго, а выражались во многихъ особенно газетныхъ отзывахъ.

Во всемъ этомъ, однако, кроется существенное недоразумѣніе, возможность котораго, конечно, лишній лестный комплиментъ автору. Не всякому писателю дано вызывать такой энтузіазмъ, какою полна статья г. Меньшикова. Но раздѣлять его довольно трудно при всемъ удовольствіи, что литература обогатилась талантливою вещью.

Въ самомъ дѣлѣ, эру въ литературѣ создаютъ только произведенія, вносящія сильно и ярко въ сознаніе людей что-либо совершенно новое, до тѣхъ поръ никѣмъ не высказанное. Такъ было съ „Антономъ Горемыкою“ и особенно съ „Записками охотника“, открывшими русскому обществу совершенно невѣдомый и массою этого общества презираемый и безправный народный міръ. И уже по этому одному, по тому, что для изученія мужика сдѣлано уже не мало, „Мужикамъ“ не придется начинать новой эры. Да и то, что сказано г. Чеховымъ, сказано не по новому, а именно такъ, какъ слѣдовало ожидать отъ этого писателя съ фізіономіей, совершенно опредѣлившейся.

Г. Чеховъ не знаетъ въ настоящее время равныхъ себѣ въ изображеніи настроеній, которыя можно назвать сумеречными и хмурыми отъ заглавія двухъ книжекъ его разсказовъ: „Въ сумеркахъ“ и „Хмурые люди“. Его тонкій юморъ, въ вещахъ сколько-нибудь крупныхъ, не играетъ существенной роли. Жизнерадостны, поэтому, лишь немногіе изъ его разсказовъ, на лету подхваченные и въ нѣсколькихъ стахъ газетныхъ стро-

какъ развитые анекдоты, въ родѣ забавнѣйшаго рассказика о мелкомъ чиновникѣ, который былъ въ театрѣ, чихнулъ, къ своему ужасу забрызгалъ сидѣвшаго передъ нимъ генерала, сталъ извиняться, преслѣдовалъ генерала извиненіями до того, что тотъ распекъ его, и отъ огорченія... умеръ. Этотъ непритязательный юморъ, пожалуй, и не вполне былъ бы умѣстенъ при обработкѣ болѣе серьезныхъ темъ, но для послѣднихъ тоскливо минорнаго преобладающаго у г. Чехова настроенія (наиболѣе типична въ этомъ отношеніи „Скучная исторія“) тоже не всегда достаточно: есть явленія въ жизни, которыхъ не разобрать и не понять при одностороннемъ сумеречномъ освѣщеніи. Съ этимъ всегдашнимъ своимъ настроеніемъ г. Чеховъ подошелъ къ народной жизни, гдѣ и такъ много такого, что способно повергнуть въ хандру: въ результатѣ, получилась картина, унылая, берущая за сердце безконечною тоскливостью своею...

Достигается это средствами крайне не сложными. Какъ истинному художнику, г. Чехову достаточно мимоходомъ намѣтить какую-нибудь черточку, до того обычную въ изображаемомъ имъ явленіи, что мы ее пожалуй даже не замѣтили бы, если бы сами глядѣли на него. Приведемъ два-три примѣра. „Войдя въ избу, онъ (Николай) даже испугался, такъ было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшіе съ нимъ жена Ольга и дочь Саша съ недоумѣніемъ поглядывали на большую неопрятную печь, занимавшую чуть-ли не полъ-избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги — это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность! Изъ взрослыхъ никого не было дома, всѣ жали. На печи сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми, бѣлоголовая, немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедшихъ. Внизу терлась о рогачь бѣлая кошка.—Кисъ, кисъ!—поманила ее Саша.—Кисъ!—Она у насъ не слышитъ,—сказала дѣвочка.—Оглохла!...—Отчего?—Такъ. Побили.—Николай и Ольга съ перваго взгляда поняли какая тутъ жизньъ, но ничего не сказали другъ другу“. Эти мухи, поднявшіяся, очевидно, густыми роями, такъ что вошедшимъ пришлось отъ нихъ отмахиваться, ярлыки и обрывки, которыхъ не могли не замѣтить москвичи, выдавшіе и настоящія картины, эта равнодушная дѣвочка съ оглохлей отъ побоевъ кошкою, къ которой прежде всего тянется городской ребенокъ и т. д.,—все это схвачено до обмана реально, такъ что читателю невольно вспоминается все видѣнное имъ въ этомъ же родѣ. Какъ обстановка деревни, какъ природа, равнодушно сіяющая и въ жалкомъ Жуковѣ краскою вѣчною, такъ же живо схвачены и вскользь брошенными черточками характеризованы и люди деревни, и обычаи, и нравы (не столько символизируя всю русскую народную жизнь, какъ полагаетъ г. Меншиковъ—вѣдь, тамъ, гдѣ символъ, аллегорія, часто исчезаетъ и художество—сколько вызывая въ умѣ читателя по ассоціаціи цѣлые ряды подобныхъ же типовъ и явленій). Забитая деревенская баба глядитъ въ церкви на помѣщичью семью „изподлобья, угрюмо, уныло, какъ будто это вошли не люди, а чудовища, которые могли бы раздавить ее, если бы она не посторонилась. А когда дьяконъ возглашалъ что нибудь басомъ, то ей всякій разъ чудился крнкъ (пьянаго мужа): „Ма—арья!“—и она вздрагивала“. Именно такимъ взглядомъ,

тупымъ, унылымъ, изподлобья глядѣть молодуха на извѣстной картинѣ Максимова: „Приходъ колдуна на свадьбу (въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ), и это совпаденіе, конечно, лишній разъ говоритъ за мастерство г. Чехова; да и каждому „барину“ на себѣ приходилось испытывать этотъ взглядъ при случайныхъ встрѣчахъ съ мужикомъ... Удрученную бѣдность семьи и старую бабку, озлобленную и истомленную, лучше всего характеризуетъ нѣсколько словъ о томъ, какъ справляли праздникъ. „По случаю праздника купили въ трактирѣ селедку и варили похлебку изъ селедочной головки. Въ полдень сѣли пить чай и пили его долго, до пота, и казалось, распухли отъ чая, и уже послѣ этого стали ѣсть похлебку, всѣ изъ одного горшка. А селедку бабка спрятала“. Безпощадная безсознательная жестокость деревенскихъ нравовъ такъ и рисуется въ сообщеніи вскользь о томъ, какъ при первомъ знакомствѣ Николая съ однодеревенцами, «старухи и бабы глядѣли на ноги Николая обутыя въ валенки, и на его блѣдное лицо, и говорили печально: „Не добычикъ ты, Николай Осипычъ, не добычикъ! Гдѣ ужъ!“ Чтобы чувствовать себя здѣсь сносно, нужно спуститься до крайняго цинизма, рѣ родѣ того, который присущъ разгульной солдаткѣ Оеклѣ. „Оеклѣ была по вкусу вся эта жизнь: и бѣдность, и нечистота, и неугомонная брань. Она ѣла, что давали, не разбирая: спала, гдѣ и на чемъ придется; помои выливали у самого крыльца: выплеснуть съ порога, да еще пройдетъ босыми ногами по лужѣ. И она съ перваго же дня возненавидѣла Ольгу и Николая именно за то, что имъ не нравилась эта жизнь.—Погляжу, что вы тутъ будете ѣсть, дворяне московскіе!—говорила она со злорадствомъ:—Погляжу—у!“ Это одинъ изъ наиболѣе удачныхъ типовъ въ „Мужикахъ“. Упомянемъ, наконецъ, о прелестной сценѣ, полной любви къ дѣтямъ и пониманія дѣтской психологій, между Сашею, рассказывающею о томъ, что бываетъ въ церкви ночью, и увѣряющею, что видитъ, какъ ангелы въ небѣ „крылышками мелькѣ-мелькѣ“, и полу-идiotкою Мотькою, радующеюся, что злая бабка будетъ горѣть въ адскомъ огнѣ.

Можно было бы безъ конца указывать, какъ вѣрны всѣ эти черты и черточки дѣйствительности. Вы чувствуете, что именно такъ все, что рассказываетъ г. Чеховъ, было въ воображаемомъ Жуковѣ (Холуевка тожъ), и иначе и быть не могло. Вѣчная недоимка, за которую староста отнимаетъ у семьи самоваръ, что уже величайшая обида для захудаловаго мужика; равнодушно-формальное отношеніе къ „мужикамъ“ переутомленнаго станового, глубокое невѣжество (даже въ той области, въ которой по мнѣнію нашихъ охранителей „православный мужичекъ“ безконечно выше „атеистической интеллигенціи“—въ религіозной); дикое пьянство и жестокіе озлобленные нравы, — все это написано такъ, что спорить не приходится, и на свѣжаго читателя способно подѣйствовать подавляющимъ образомъ.

Другое дѣло—вопросъ о *полнотѣ* общей картины, составившейся изъ мозаической смѣны маленькихъ картинокъ, иногда совершенно случайныхъ, какъ (напр. картина пожара, не имѣющаго никакой связи, кромѣ чисто внѣшней, съ нитью рассказа). Собственно и спора не можетъ быть, что *полноты* народной жизни и искать нельзя въ „Мужикахъ“: какая ужъ тутъ полнота, если въ сторонѣ осталась вся земледѣльческая трудовая

полоса деревни? Повидимому, этой полноты не имѣлъ въ виду и самъ авторъ, отмѣчающій въ жизни деревни преимущественно то, что бросалась въ глаза семья лакея. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи рассказъ довольно выдержанъ. Но, помимо правдивости того, что передано авторомъ, недоразумѣнію содѣйствовало, быть можетъ, и не совсѣмъ удачное заглавіе, которое звучитъ довольно таки претенціозно. Шутка-ли—въ коротенькомъ рассказѣ охватить всю жизнь „мужиковъ“, явиться Эдипомъ, разгадывающимъ русскаго мужика, „сфинкса“ знаменитаго тургеневскаго стихотворенія въ прозѣ. Если авторъ хотѣлъ этимъ заглавіемъ указать долю пренебреженія, которое не могъ не испытывать его герой по отношенію къ одnodеревенцамъ—кто не слышалъ лакейски презрительнаго: „мужики-съ! необразованіе-съ!“—то это осталось незамѣченнымъ. Вообще, заглавіе, для произведенія сколько нибудь цѣльнаго, вещь болѣе важная, чѣмъ это думаютъ: неудачное заглавіе, какъ неточный адресъ на письмѣ, способно вызывать недоразумѣнія, тогда какъ удачное входитъ сразу въ оборотъ, становится „Крылатымъ словомъ“: напомнимъ такіа заглавія, какъ „Герой нашего времени“, „Горе отъ ума“, „Мертвыя души“ и цѣлый рядъ тургеневскихъ: „Отцы и дѣти“, „Наканунъ“, „Новъ“ и т. д.

Кое-какіе пробѣлы въ томъ, что касается жизни жуковцевъ, можно, однако, указать и въ той области, съ которой деревня только и открывалась семьѣ лакея. Трудно допустить, чтобы умственная жизнь „мужиковъ“, живущихъ въ мѣстахъ близкихъ и къ фабрикѣ, и къ церкви (въ настоящее время, слѣд., хотъ къ какой бы то ни было школѣ) и къ помѣщичьему имѣнію, была до такой степени безсодержательна. Мы не настаиваемъ на такъ называемыхъ „отрадныхъ явленіяхъ“. Мысль въ деревнѣ можетъ также беспомощно биться въ тенетахъ непрогляднаго невѣжества, какъ бьются мужики въ непроходимой бѣдности; но не биться, не шевелиться она не можетъ. Слишкомъ много вторгается въ современную деревню разнородныхъ вліяній. По словамъ г. Чехова, „Прежде, лѣтъ 15—20 назадъ и ранѣе, разговоры въ Жуковѣ были гораздо интереснѣе. Тогда у cadaго старика былъ такой видъ, какъ будто онъ хранилъ какую-то тайну, что-то зналъ и чего-то ждалъ; говорили о грамотѣ съ золотою печатью, о раздѣлахъ, о новыхъ земляхъ, о вкладахъ, намекали на что-то; теперь же у жуковцевъ не было никакихъ тайнъ, вся ихъ жизнь была, какъ на ладони, у всѣхъ на виду, и могли они говорить только о нуждѣ и кормахъ, о томъ, что нѣтъ снѣга“... Позволительно усумниться, чтобы не было положительно интереснаго разговору и о переселеніяхъ, и о томъ, гдѣ и какъ лучше живетъ (со словъ солдатъ, служившихъ гдѣ нибудь далеко) и о „господахъ“, живущихъ подъ бокомъ, а не то и о „Нивѣ“ и „Лучѣ“ или другихъ дешевыхъ газеткахъ, конечно выисываемыхъ кабатчикомъ и т. п.

Самъ г. Чеховъ настолько художникъ, что не могъ не отмѣтить въ жуковцахъ если не свѣтлыя стороны ихъ умственной жизни, то хоть нѣкоторую ихъ возможность. „Мало кто вѣрилъ, мало кто понималъ, — пишетъ онъ:—въ то же время всѣ любили священное писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангеліе, ее уважали и всѣ говорили ей и Сашѣ (десятилѣтней дѣвчонкѣ!) „вы“. — Самъ же г. Чеховъ рисуетъ намъ

яркую и трогательную картину пробужденія въ этихъ ожесточившихся сердцахъ горячей жажды правды. „Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отправились на встрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ парадныхъ платьяхъ и принесли ее подъ вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, а въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ загрохотала улицю; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ (мужъ Марьи)—все протягивали руки къ иконѣ, жадно глядя на нее и говорили, плача: „Заступница, матушка! Заступница!“ Все, какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой невыносимой нужды, отъ страшной водки“... И какъ бы быстро все это не улеглось и не входило въ свою колею, слѣдъ подобныхъ порывовъ не можетъ не оставаться на душѣ болѣе впечатлительныхъ хоть нѣкоторымъ подъемомъ и чувства личнаго достоинства, и работою мысли, такъ что если „все какъ будто поняли“, то нашлись и тѣ, кто понималъ дѣйствительно. Въ Холщевѣ старики любили вспоминать крѣпостное право. „При господахъ лучше было, — говорилъ старикъ, мотая шелкъ: — И работаешь, и ѣшь, и спишь — все своимъ чередомъ. Въ обѣдъ щи тебѣ и каша, въ ужинъ тоже щи и каша. Огурцовъ и капусты было вволю, ѣшь добровольно, сколько душа захочетъ. И строгости было больше. Всякій себя помнилъ. Но даже забитая и голодная Марья, послѣ вечера, прошедшаго въ такихъ разсказахъ и полубезсонной ночи, не обольщается этимъ сытымъ холуйскимъ благополучіемъ и сквозь сонъ, потягиваясь и расправляя изболѣвшія отъ побоевъ кости, какъ бы въ итогъ своему бабьему раздумью, о которомъ не даетъ себѣ отчета, неожиданно заявляетъ: „Нѣтъ, воля лучше!“ Наконецъ, Ольгѣ, по развитію стоящей всетаки выше жуковцевъ, послѣ такого тяжелого года въ деревнѣ—*„было жаль разставаться съ деревней и мужиками“*, хоть „за зиму она похудѣла, подурнѣла, немного постѣдѣла, и уже вмѣсто прежней миловидности и пріятной улыбки, на лицѣ у нея было покорное, печальное выраженіе пережитой скорби, и было уже что то тупое и неподвижное въ ея лицѣ, точно она не слышала“. Было же значить въ деревнѣ нѣчто живое, бодрящее и любовное, что могло внушить къ себѣ, не смотря ни на что, извѣстную привязанность и что въ самомъ разсказѣ осталось совершенно въ тѣни.

Нисколько не упрекая г. Чехова за то, что онъ не далъ въ своемъ произведеніи, для того, чтобы оно дѣйствительно могло начать новую эру въ литературѣ о мужикѣ, мы все таки, какъ уже сказали, считаемъ разсказъ наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ весеннихъ книжкахъ нашихъ журналовъ. Хотѣлось бы, чтобы разсказъ этотъ не остался одною ласточкою, которая весны не дѣлаетъ. Последнее время литература довольно таки оскудѣла хорошими бытописаніями народной жизни. Въ этомъ оскудѣніи, быть можетъ, кроется одна изъ причинъ, по которымъ „Мужики“ произвели такое сильное впечатлѣніе.

Въ мартовской книжкѣ журнала „Новое Слово“ напечатанъ былъ раз-

сказъ г. М. Горькаго „Коноваловъ“, въ которомъ авторъ рисуетъ намъ одинъ изъ типовъ, выдѣляемыхъ „мужиками“. Типы этого рода—„босяки“, „золоторотцы“, бродяги — прекрасно изучены авторомъ, все болѣе останавливающимъ на себѣ вниманіе читателей. Точное знаніе среды, своеобразной и мало кому извѣстной, само по себѣ не даетъ еще права стать беллетристомъ. Много по этому пути званыхъ, мало избранныхъ. Г. Горькій принадлежитъ несомнѣнно къ числу послѣднихъ. Несомнѣнное поэтическое чувство, красочные образы, тонкость психологическихъ наблюденій, живое искреннее отношеніе ко всему живому, чуждое сентиментализма, хотя и съ нѣкоторымъ отблескомъ пессимизма, — временами неожиданный веселый юморъ, все говоритъ за несомнѣнный и довольно оригинальный талантъ, не смотря на небрежность и нестройность внѣшней формы.

На „мужиковъ“ люди такъ называемаго общества, издавна привыкли смотрѣть, какъ на однородную массу — именно такую, равнодушною, покорною и ослабѣвшею массою рисуются обитатели Жукова. Зависитъ это, конечно, отъ малаго знакомства съ самымъ бытомъ. Происходить нѣчто въ родѣ того обмана зрѣнія, по которому масса людей, отличающихся какими-либо рѣзкими общими чертами, кажется однородною; извѣстно, напр., что путешественникамъ, попавшимъ въ Африку впервые, всѣ негры кажутся на одно лицо, или неожиданно очутившійся среди солдатъ въ одинаковыхъ мундирахъ лишь чрезъ нѣкоторое время пріучается различать фizioноміи. Г. Горькій обладаетъ несомнѣнною способностью индивидуализировать своихъ дѣйствующихъ лицъ, передавать живую правду ихъ всегда болѣе или менѣе самостоятельной фizioноміи. Къ числу такихъ индивидуализированныхъ образовъ принадлежитъ и Коноваловъ, этотъ странный искатель „Точки въ жизни“, по его выраженію, точки, въ которую можно было бы ему упереться, человекъ съ довольно высокими нравственными требованіями по отношенію къ себѣ, страдающій отъ того, что не умѣетъ найти своего мѣста въ жизни. Въ своемъ родѣ это „лишній человекъ“ въ гибнущей массѣ золоторотцевъ. Онъ и самъ считаетъ себя лишнимъ...

Отъ природы красавецъ и силачъ, Коноваловъ — отличный работникъ, пока не потянетъ его куда-то — куда онъ и самъ не знаетъ, пока не зашевелится грызущій его червякъ сомнѣнія, есть-ли какой человѣческій смыслъ въ его труженическомъ житіи, отъ котораго онъ не видитъ никакихъ результатовъ ни себѣ ни людямъ. „Что дѣлаю — не понимаю, какъ живу — не думаю!“ „Жизнь у меня безъ всякаго оправданія, — жалуется онъ: — Зачѣмъ я живу на землѣ, и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего этого даже и охоты нѣтъ. Живу и тоскую... Про что? Неизвѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего то такого, что у другихъ людей есть и что человеку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки все тутъ! Понялъ? Вотъ я живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть — это мнѣ неизвѣстно“. — Это ты къ чему? — спрашиваетъ рассказчикъ. — „Къ чему? А къ безпорядку жизни... То есть вотъ (...)

Ч. Ветринскій